

Актер из космоса

Иннокентию
Смоктунувскому
исполнилось бы 80 лет

Ольга Егошина

Борис Пастернак как-то сформулировал: «предвестием льгот приходит гений». «Весной света» назвали князя Мышкина, сыгранного Иннокентием Смоктунувским на сцене БДТ. Стало понятно, что в наше искусство не просто пришел гениальный артист, спектакль «Идиот» начал отсчет новой театральной эры. Герои Смоктунувского – Гамлет и Юрий Деточкин, Илья Куликов и царь Федор, Иванов и Иудушка Головлевы, Чайковский и Моцарт – открывали его зрителям выход в другое измерение, оставляли радость встречи с чудом. Как-то в беседе с Олегом Ефремовым он сказал: «Ты, Олег, – лучший артист России!» Ефремов спросил: «А как же ты, Кеша?» – «А я – космический артист!»

Смоктунувский сполна выполнил завет Станиславского об обогащении личного опыта актера. Он прошел все круги военного ада: фронт, плен, концлагерь, побег, партизанский отряд, регулярные воинские части... Он был на Курской дуге, форсировал Днепр, участвовал в освобождении Киева, дошел до Берлина. Медаль «За отвагу» была вручена Смоктунувскому прямо на мхатовской сцене после спектакля. Людвик XIV в гриме и обсыпанным пудрой париком принимал благодарности за подвиг сержанта Смоктунувского. К счастью, для него немецкий плен не продолжился сталинскими лагерями. Сержант Смоктунувский стал участником театральной студии в Красноярске. Потом будет десятилетие скитаний по провинциальным театрам и вера в свою судьбу. В 1953 году он экспромтом приезжает в Москву, ночует на чердаке, хо-

дит в лыжном костюме по летним жарким московским улицам, падает в голодный обморок, с трудом устраивается на работу в Театр киноактера. В московские дни Смоктунувский понял закон человеческого существования: «В самых важных, ответственных моментах жизни человека – все от него бегут, и он остается один как перст, и не на кого ему положиться». Он много раз круто менял судьбу: уходя из БДТ от Товстоногова, разлучившись на долгие десять лет с театральной сценой. Сыграв царя Федора Иоанновича в Малом театре, он откликнул-

ся на приглашение обожавшего его Олега Ефремова и перешел во МХАТ, который стал его домом. В приветствии ко дню 60-летия в адресе, подписанном труппой МХАТ, было сказано, что «Иннокентий Смоктунувский стал символом Художественного театра, его эталонным актером».

О том, каким Смоктунувский был в своей повседневной жизни, для «Новых известий» рассказывает вдова Иннокентия Михайловича, Суламифь Смоктунувская, «моя половинка», как называл ее в автобиографической книге сам артист.

СУЛАМИФЬ СМОКТУНУВСКАЯ:

«Роли входили в его человеческий состав»

– Суламифь Михайловна, почти кощунственный вопрос: не слишком ли тяжело жить рядом с гением?

– Знаете, Наталья Кончаловская ему написала на подаренной книге: «актер Божьей милостью». Мне кажется, это очень точные слова. А Софья Владимировна Гиацинтова, посмотрев его в Мышкине и Гамлете, удивлялась: он и князь, и принц. Это в нем было неотъемлемо. Он остался для меня непостижимым человеком. Сорок лет прожили вместе, но он остался тайной, чудом.

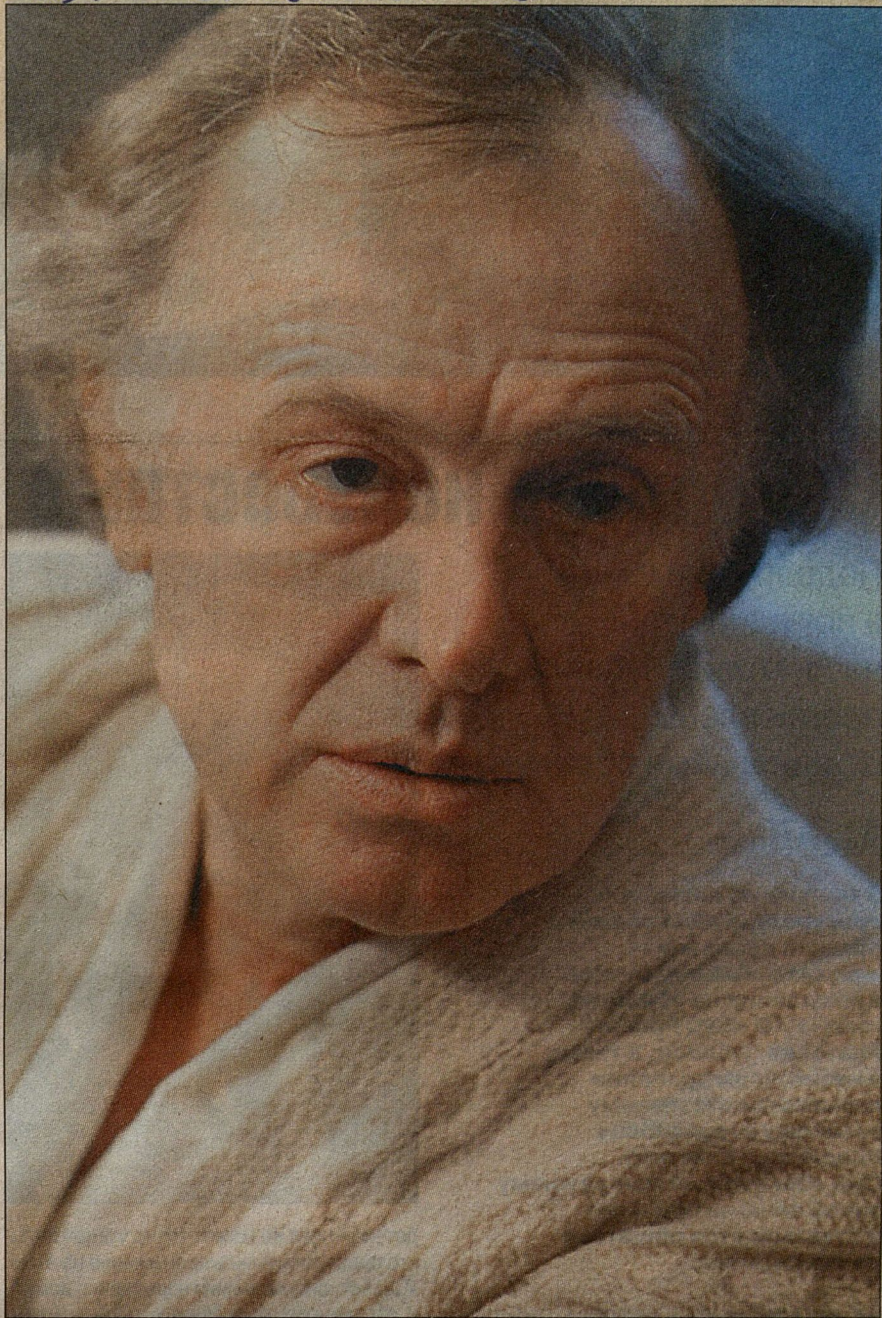
– Иннокентий Смоктунувский прожил невероятно насыщенную жизнь. Сотни сыгранных ролей в кино, театре, на телевидении, тещинские программы, написанные им книги и т.д. Кажется, что при такой интенсивности работы времени на семью, на личную жизнь почти не остается...

– Он действительно удивительно много успевал. Я помню вечера, когда, к примеру, в театре шел «Иванов», по телевизору показывали «Чайковского», в кино крутили «Гамлета», а на радио – его чтение Пушкина. Но и работал он много. Помню, как в семь утра за ним уже приходила машина: он спешил на студии озвучивать фильм, потом со студии – в театр на утреннюю репетицию. В три заезжал домой пообедать (и уж тут все должно стоять ровно в 15.00). После обеда – на вечернюю съемку... Он обладал фантастическим трудолюбием. Но его трудолюбие не было мрачным, фанатическим. Он никогда не заслонялся работой от жизни. Жизнь – отдельно, работа – отдельно.

– Его называли достаточно замкнутым человеком...

– Он был очень закрытый человек. Он закрывался от людей какими-то странностями

ми, любезностью, таким своеобразным «скоморошеством». Потому что внутри все время шла работа. И все как-то откликалось: облака, разговоры, люди вокруг. Их жесты. Он обожал самых разных людей. Все время дом был набит невероятными персонажами. Какой-то священник в рясе поверх ватника. Или артист массовой. Он к ним приглядывался, изучал. Он был одним, когда играл Иванова, и совсем другим, когда играл Иудушку. Иудушка ему очень тяжело дался. Какой в результате вылился тип. Невероятный. И он очень любил этот спектакль, высоко оценил работу Додина. Роли входили в него, так сказать, в его человеческий состав. Сам он писал, что Мышкин изменил его человечески, что, сыграв Мышкина, он стал другим человеком. Не знаю, мне казалось, что после его игры в Мышкине Достоевского появилось что-то «смоктунувское».

ИТАР-ТАСС. А. ПЕЧЕНКИНА. ИННОКЕНТИЙ